

Борис Рабинович По обе стороны от...

Почти непридуманные истории

Борис Рабинович

По обе стороны от...

«Издательские решения»

Рабинович Б.

По обе стороны от... / Б. Рабинович — «Издательские решения»,

Для того, чтобы писать красиво, нужен авторский талант, и он определенно виден в сборнике новелл Бориса Рабиновича. «По обе стороны от...» — штучный товар, заслуживающий видного места на домашней книжной полке. Эта книга как хороший фильм, который выключаешь только тогда, когда закончатся титры. Можете быть уверены — прочитанное запомнится надолго, а именно это и есть настоящий показатель литературного мастерства. Андрей Остроумов. Писатель, сценарист.

© Рабинович Б.

© Издательские решения

Содержание

Читателю от редактора	6
Моя Америка	7
Фролова	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

По обе стороны от...
Почти непридуманные истории
Борис Рабинович

© Борис Рабинович, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателю от редактора

Представьте себе, дорогой читатель, что к вам в купе заходит попутчик. Автор этой книги. Крупный, средних лет дядька. Здоровается, располагается напротив и начинает рассказывать. И вы даже не замечаете, как погружаетесь в мир его грустных, комических, странных и забавных образов. Дядька достает из дорогой кожаной сумки бутылку такого же дорогого коньяка и предлагает выпить за знакомство. И, как ни в чем не бывало, продолжает свои рассказы. Вы соглашаетесь. Отказаться невозможно по двум причинам. Во-первых, его грустным еврейским глазам хочется верить. А во-вторых, от его рассказов просто не оторваться. Каждый из них, как глоток крепкого элитного алкоголя. Каждая история имеет свой вкус, цвет, крепость и даже запах, который кажется невозможно описать словами, а у автора получается. Каждый рассказ это будто красивый кадр из кино, будто сочная картинка снятая оператором экстра-класса. Чем дальше, тем больше стирается грань между автором книги и читателем. Вы словно отождествляетесь. С каждым новым абзацем окунаетесь в мир образов, мастерски созданных из коротких предложений, в которых нет ни одного лишнего слова. Для того, чтобы писать красиво нужен авторский талант, и он определенно виден в сборнике новелл Бориса Рабиновича. «По обе стороны от...» – штучный товар, заслуживающий видного места на домашней книжной полке. Эта книга, как хороший фильм, который выключаешь только тогда, когда закончатся титры. Можете быть уверены – прочитанное запомнится надолго, а именно это и есть настоящий показатель литературного мастерства. После прочтения, каждый станет чуточку добрее, окупнется в полное безумств и абсурда прошлое и, ощутит его горькое и сладкое послевкусие.

Андрей Остроумов

Писатель, сценарист

Моя Америка

Тете Люде и дяде Валику, не смотря ни на что...

В аэропорту Шеннона было тихо, как в элитной клинике. На полу, в переходах между секторами – ковровое покрытие. Оно поглощало шум шагов. В зале транзитных пассажиров обстановка почти камерная. Люди расположились в мягких кожаных креслах, пили кофе, курили, тихо переговариваясь. Сигаретный дым змейками уходил вверх, растворяясь в кондиционированном воздухе. Как-то очень благородно пахло вокруг. Тогда я еще не знал секрет этого бленда. Сейчас, покатавшись по миру, я определил его состав: хороший парфюм, настоящий молотый кофе, свежая выпечка, дорогая кожа.

На стойке бара, в гигантской стеклянной емкости в голубоватой воде плавали какие-то гигантские раки. Их непропорционально огромные клешни были заботливо увязаны тонкой белой резинкой. Какой необычный аквариум, подумал я. Это ж надо, экие гуманисты, обмолтали гадам клешни, чтоб те друг дружку не покалечили! Откуда мне было знать, что выставлены членистоногие вовсе не для красоты, а по более прозаическим причинам. Уже позже, в Нью-Йорке я узнал, что это лобстеры. Из аквариума они идут напрямиком в жаровню и стоят сорок долларов за килограмм.

Шеннон – маленький ирландский городок. При нем аэропорт. Обычно, тут производят дозаправку самолетов, направляющиеся в Новый Свет из стран Восточной Европы.

Это потом, четыре года спустя, в девяносто пятом, он станет всемирно известен, как место где Ельцин абсолютно по-русски проспал встречу с премьер-министром этого небольшого, но гордого государства. Ирландия ненадолго обиделась. Остальной мир проглотил очередную «загогулину» хмельного царя. А в июле девяносто первого года именно Шеннон стал для меня первой настоящей заграницей.

За панорамными стеклами терминала лил плотный дождь. Я понял – это был настоящий британский дождь. Ну, я так почувствовал. Несмотря на ливень, все автомобили были чистыми. Видимо, в Ирландии дождь не пачкал, а мыл. Или мне так казалось...

Я бродил по ярким залам «Duty Free» в состоянии грогги. Неимоверно ухоженные продавщицы в красивых форменных блузах о чем-то переговаривались. Из всего разговора я не понимал ничего. Вернее, не идентифицировал их язык с тем, который я изучал в школе и ВУЗе. Расслышал только вспомогательное слово «does». Стало немного не по себе.

При входе в транзитную зону всем пассажирам выдали по жестяной банке пепси-колы и пластиковый жетон с соответствующим логотипом. Видимо, рекламная акция. Пепси я раньше пил. Но вот из жестяных банок – никогда. Прежде всего ее нужно было открыть. Впервые в жизни. Я трепетно вставил палец в жестяное ушко. С осторожностью сапера стал тянуть кольцо в сторону. Естественно, в сторону противоположную той, которая предполагала безболезненное открытие хитрого сосуда. Интуиция подсказывала, что банка должна открываться наподобие венгерской ветчины, которую отец однажды привозил из Киева – подтягиванием кольца крышечки к себе. Наверное, срабатывал притягательный рефлекс. Тупой щелчок показался мне в в респектабельной тишине взрывом. Колечко осталось на пальце. Крышка девственно невредима. Дефлорация подлой емкости оказалась провальной. Пить хотелось, кола в руке нагревалась, да и спортивный азарт не позволял отступить обратно. Шпионски оглянувшись вокруг, я с разгона вогнал указательный палец правой руки в предполагаемое место вскрытия... Коричневый фонтан из нагретой пепси-колы получился феерическим. Ковровое покрытие с жадностью впитывало в себя жидкость. Впрочем, как и моя бледно-розо-

вая рубашка. Добропорядочные европейцы оглянулись все разом. По-моему, изумились даже лобстеры. Для порядка, глотнув оставшийся на дне баночки напиток, я, нелепо растопырив пальцы, пошел искать клозет.

В общем-то, в Америку я летел жениться. Жениться фиктивно. А на самом деле, чтоб получить «грин-кард». Мысль пришла в голову в августе девяностого. Это была одна из первых авантюрных идей, овладевших моим неокрепшим мозгом. В дальнейшем эксперименты по перемещению в пространстве повторялись. Но то было начало.

Именно в августе девяностого я впервые в жизни, и, к сожалению, не в последний раз остался без всего. Вернее сказать, получилось так, что у меня ничего не было. Из института меня выгнали. Я не сдал экзамен по естествознанию, оправдывая себя перед родителями тем, что молодая преподавательница этого нехитрого предмета с нежной русской фамилией Берёзка была антисемиткой. Для еврейской семьи – железное алиби. О том, что в новом учебнике естествознания к концу учебного года были все еще склеены многие страницы-девственницы, я папе с мамой предпочел не говорить.

Возвращаться в городок своего детства казалось мне делом абсолютно бесперспективным. Страна вместе со мной была в хаосе и растерянности, пускала пузыри. Череда дурацких неурядиц накатывала волной. Собрались семьей к морю – украли все вещи в камере хранения киевского железнодорожного вокзала. Жулики подсмотрели код пятнадцатикопеечной ячейки. Измотанные августовской жарой, безразличные ко всему милиционеры линейного отдела обессилено разводили руками. Заявление приняли, но шансы на обнаружение сворованных чемоданов свели к нулю аргументировано и профессионально. Когда наша несчастная семейка всё же добрались до приморской Кирилловки, нас ограбили. На это раз, на «гоп-стоп». Местная шпана в лице четырёх босяков потребовала плату за пользование местными природными ресурсами. Плата равнялась двадцати пяти рублям. Загорелые ребята поигрывали ножичками, я героически остался в заложниках на заднем дворе заброшенного крытого рынка, младший брат отправился за деньгами.

Злость на непутевую родину росла и ширилась. Ощущение полной безысходности принимало всеобъемлющий масштаб.

Не знаю почему, но окончательное понимание того, что нужно уезжать пришло в октябрьский дождливый день, после того, как в Киеве из маминой сумочки вытащили желто-ядовитые купоны – украинское самостийное дополнение к союзным рублям. С их помощью нам предстояло приобрести синтетические носки производства ГДР невеселых расцветок, «выброшенных» по случаю. Полуторачасовая очередь осталась позади, но доступ к божественной продавщице чулочно-носочного отдела с одними только рублями был закрыт намертво. Жизнь без восточногерманских носков теряла всякий смысл. Надо было валить.

И вот я по другую сторону океана. Невиданных до сей поры американских денег ни цента. Только в заднем кармане турецких джинсов «Mawin» тридцать рублей. Инструкция ОВИРа гласила, что турист отправляющийся в поездку по капстране должен иметь с собой не более тридцати рублей. На обратную дорогу. Обратную дорогу я не предполагал, но инструкцию ОВИРа выполнил беспрекословно. И какая обратная дорога могла быть? Ведь я ехал в рай. И даже Гребенщиков в моих наушниках пел: *«...из тех, кто попал туда, еще никто не возвращался назад...»*. А Гребенщикову я не верить не мог. Правда далее там шло *«...а сердцу нужны небо и корни, оно не может жить в пустоте...»*. Но кто тогда, в девяностом, думал о корнях, а тем более о небе. Сигареты и макароны по талонам. Какие тут корни, какое небо...

Горький анекдот того времени, «Главное – последнему не забыть выключить свет в аэропорту», казался мне пророческим.

Тем более за океаном уже скопилось какое-то количество дальних еврейских родственников, знакомых и друзей знакомых. Они присылали оттуда неимоверно цветные фотографии на фоне открытых холодильников, откуда маняще, как из сундука с сокровищами, в лучах волшебного света угадывались пластиковые бутылки и железные баночки разных цветов и калибров.

О том, что всё это дешевое, напичканное химией добро куплено за продуктовые талоны, да и сам холодильник притащен из ближайшей помойки, никто из них на обратной стороне фотокарточки почему-то не писал.

Одним словом, из терминала аэропорта JFK я вышел пятнадцатого июля девяносто первого года. Липкая пластилиновая жара накрыла меня волной внезапно и неумолимо. Электронное табло на верхотуре надземной парковки чуть правее меня красными пупырышками лампочек сюрреалистично высвечивало +102 градуса! Бог мой, куда я попал! – подумалось мне. Сообразить или вспомнить, что кроме измерений в Цельсиях есть еще и Фаренгейты, я был не в состоянии. И это после трёх лет обучения на естественно-географическом факультете пединститута.

Шею жгло от неумелого бритья в тесном лайнеровском туалете. Рубашка производства киевского ПШО «Світанок», своим рубероидным воротником вонзалась в кожу. Тот еще жених.

Так вот, в кармане ни цента. Чемодан чертовски тяжел. Я с трудом дополз до спасительного ряда тележек. Но без монеты в двадцать пять центов тележка отдаваться не желала. Я еще раз, для приличия, дернул ручку телеги и смиренно поволокся к предполагаемому выходу с неподъемным чемоданом.

Кстати, о скарбе, собранным мною в дорогу. Были получены настоятельные рекомендации родителей моей невесты. Заключались они в следующем: надо взять с собой побольше светлых рубашек «на выход», костюм, туфли и, вы не поверите, «бабочку». Да, да, именно, «бабочку» фасона «кис-кис». Весь этот славный гардероб, со слов моей будущей тещи, должен был пригодиться мне для каких-то загадочных «апойтментов». Это вдохновляло меня еще больше.

Но в нашем местечке в июне девяносто первого с «бабочками» была, как вы понимаете, напряженка. Но мои будущие некрвные родичи настаивали.

Если немного отвлечься, то хочется сказать, что в те тяжелые времена родители, выталкивающие своих чад за границу под разными предлогами, чем только не снабжали их в далекий путь. В силу тотального дефицита, отправить ребенка с чем-то дельным в багаже было сложно. Но очень хотелось.

Знаю случай, когда сердобольные еврейские родители, отправляя своего сыночка в Израиль, учиться иудаизму в религиозном университете, не придумали ничего лучшего, чем положить ему в чемодан несколько пузырьков с синькой. Да, да, обычной синьки для полоскания белья! Не совсем понятно, как синька помогла бы ему осваивать премудрости Торы, но папа с мамой очень любили своего мальчика. И как говорится, что могли, то и положили. На всякий случай... Мало ли... Вдруг сгодится...

Бесценный бытовой препарат «индиго» в пластиковых пузырьках был надежно и уютно уложен между рубашками и нижним бельем. Родители будущего ребе, наверное, не предполагали, что при взлете и наборе высоты происходит резкий перепад давления в самолете. А чемодан-то с синькой в самолете и летел... А, может, счастье их такое еврейское. Одним словом, в секторе получения багажа аэропорта имени Бен-Гуриона наблюдалась следующая картина: обескураженный мальчик следил, как по транспортеру уныло выполз его чемодан

из чрева перегрузочного отсека. Позорным шлейфом за чемоданом, по резиновой ленте конвейера, тянулись бирюзово-синие ручейки совершенно неуместной тут синьки. Сам чемодан был словно прострелен навывлет. Только, кровь была не алая, а иссиня черная... Не суждено было нашему беженцу использовать советскую синьку на земле обетованной. А рубашки, носки и иные предметы гардероба, уложенные доброй еврейской мамой в чемодан и подавно...

Но вернемся к моей «бабочке». Потому как, светлыми июньскими вечерами моя добрая и милая мама, сидя на лавочке во дворе дома, под пристальные взгляды и рекомендации соседей, варганила мне бабочку для «апойтментов». Обшивала вырезанную из плотного картона «птичку» черным бархатом, купленным по благу. Потом мама каким-то хитрым образом припаявала к этой нехитрой конструкции белую резинку от трусов, и светский аксессуар был готов в срок. Я стопроцентно готов был вылетать через океан.

А встретить меня должна была моя придуманная невеста. Девушку звали Алёна, или просто Лёля. Вот на ней я и должен был жениться. По своей собственной просьбе...

С Лёлей мы жили в одном дворе и учились в одной из пяти школ нашего украинского городка. Она на два года младше меня. Мама еврейка, больше похожая на цыганку. Папа – представитель титульной нации, украинец, заводской работяга. Наши родители дружили. Крепкая дворовая советская дружба. Эдакие «Покровские ворота».

Однажды Лёля всех удивила. Она исчезла. День, два, три – нет её. Родители бьют тревогу, сходят с ума потихоньку, собираются писать заявление в милицию. Не написали. Видимо, они уже тогда чувствовали сердцем своим родительским, что ребенок способен на «подвиг», а исчезнуть просто так не способен...

...Алёна позвонила на третий день.

– Мама, я в Красноводске, – полуночным бредом пробормотала телефонная трубка на радость и успокоение маме.

Шестнадцатилетняя красавица уехала в прикаспийский городок за капитаном гандбольной команды, которому посчастливилось быть в нашем захолустье на соревнованиях. Лёля безудержно влюбилась и с соревнованиями они двинули парой. Инкогнито. Не знаю, что он там ей при этом обещал и что произошло в азербайджанских степях, но недели через две она вернулись. В дальнейшем сюрпризы повторялись. Частое явление, в общем. Девочкам и так не хватало красок в серой зашоренной стране. И они, девочки, самостоятельно размалёвывали как могли холст жизни, не особенно разбираясь в палитре и сочетании цветов.

А в целом, Алёна была нормальным советским подростком.

В Штаты они свалили в восемьдесят девятом, когда ей было восемнадцать. А в девяностом и я был уверен в том, что меня уже ничего не связывает с непутевой родиной. Ничего.

И понеслось робкое письмо через Атлантику с брачным предложением. В письме содержались мои идиотские планы, как через фиктивный брак вытащить всю нашу семью в благословенную Америку. Удивительно, но за океаном с моими доводами согласились и пообещали прислать вызов. Неделю я ходил совершенно очумевший от счастья.

Америка манила эмтивешными клипами Билли Джоэла. Я предполагал работать барменом, не меньше. Языковые проблемы меня не смущали. В аттестате о среднем образовании по языку твердая «пятерка». В крайнем случае, устроюсь продавцом, думалось мне.

В декабре пришел долгожданный вызов. Отмечали чуть ли не всем общежитием.

Когда я протрезвел, то узнал, что есть еще пару нюансов, без которых в Нью-Йорк я не попадаю. Во первых, нужно получить въездную американскую визу. Чтоб стать ее обладателем я ежемесячно гонял на поезде в Москву, дабы поучаствовать в переключке у американского посольства. В той очереди я был десять-тысяч-двести-какой-то.

Кстати, забавная была эта очередь. Мы даже со временем все там сдружились. Кого там только не было в этом великом стоянии за химерной американской мечтой: и торгаши, не находившие применения своему коммерческому дару в условиях плановой социалистической экономики, и какие-то священнослужители в рясах с килограммовыми крестами на шеях, пытающиеся проникнуть в Штаты с загадочной миссионерской целью, и евреи, не желающие ехать в жаркий и провинциальный Израиль, и мошенники-аферисты всех мастей, скрывающиеся от правосудия и длинных рук братков. Были и добропорядочные русские семьи в полном составе, получившие всеми правдами и неправдами вождеденный гостевой вызов из-за океана. Все эти люди желали одного – вырваться и любой ценой зацепиться за Америку. Любой ценой.

Да, там еще были диссиденты второго, а то и третьего эшелонов. Те, которых не выслали в свое время из Советского Союза вслед за Войновичем и Солженицыным, те которых не лишили гражданства великой империи в принудительном порядке. Не дождавшись поднимающей международный диссидентский рейтинг высылки, они пытались покинуть несвободную родину достойно, с гордо опущенной головой.

В посольской очереди все активно общались. Каждому было что рассказать и о чем послушать. Помню, позабавил один слегка придурковатый малый, лет восемнадцати, в такой же придурковатой куртке цвета сгнившей соломы, со множеством карманов и карабинов. На вопрос, к кому он двигает и куда, он рассказал историю, о том, что едет к своему биологическому отцу, бросившему их с мамой двенадцать лет назад. На вопрос, где проживает папаша, парень гордо и с расстановкой ответил:

– В Лос-Анжелоской области...

Толпа беззлобно хохотала.

Кем я был среди всех этих людей? Господи, кем?

Визу я получил в конце апреля, когда уже почти не родные мне березки вспыхнули зеленым. Общага загудела опять.

После того как я опять окончательно протрезвел, столкнулся с очередной неразрешимой проблемой. Авиабилет! В единственной кассе «Аэрофлота» за Крымским мостом очередь на год вперед. Я туда робко зашел после посольства, чуть было не был задушен и больше с тех пор там ни разу и не бывал.

Ходили слухи, что билет можно достать через спекулянтов за двенадцать тысяч рублей, вместо двух тысяч номинальных. Совершенно фантастическая сумма. Таких денег, конечно же, не было. Но цель оправдывала средства, так думалось мне, и я не отступал. Была найдена некая советско-американская контора, выписывающая вождеденный квиток при условии оплаты четырехсот долларов в Нью-Йорке и полутора тысяч рублей в Москве. С родительской сберкнижки было вычищено все, без остатка. В Америке желаемую сумму внесла моя будущая фиктивная теща. Естественно, в долг.

Обмен денег на билет происходил в Москве на какой-то конспиративной квартире по предварительному звонку. Мы с мамой приволоклись в восемь утра. Ну, прямо с поезда. Чего тянуть. Там явно нас не ждали столь рано. Ведь в нашем сознании весь мир должен был просыпаться в семь утра, по нашему семейному местечковому распорядку. А Москва уже в то время отодвигала стрелки своих биологических часов вперед.

Дверь открыла молодая, явно только что из постели, девушка. Я отметил удивительное сочетание красоты и полусонной растрепанности. Не думал, что женщины бывают красивыми и без макияжа. Еще одно случайное открытие.

Отдельно хочу рассказать о квартире. Я впервые в жизни видел такой привлекательный и милый бардак. Это был западный бардак. Небрежное и беспорядочное скопление атрибутов несоветской жизни в таком количестве и в одном месте: вороная видеодвойка «Funai», на ней открытая пачка «Davidoff», кофе-машина с итальянским окончанием в названии, небрежно

брошенная на кухонный стол трубка радиотелефона «Panasonic», какие-то постеры и глянцевые журналы с латиницей на обложках. Там, кажется, даже присутствовала микроволновая печь! Было понятно, что все это тут не для красоты и это не способ превратить бумажные рубли в твердые бытовые инвестиции. В волшебной квартире этим пользовались! Не смахивали пылинки, молясь на бренды и лейблы, а реально пользовались! Тут это имело практическое, ежедневное применение! Я был поражен. Если учитывать, что в то время в Москве в свободной продаже имелись только сигареты «НВ» по пять пятьдесят за пачку и минеральная вода в стеклянных бутылках с тусклыми этикетками, то меня можно понять.

Из чудесной квартиры мы вышли с драгоценным билетом. Вылет пятнадцатого июля девяносто первого года! Можно было начинать прощаться с родиной.

Но не тут то было. Родина приготовила для меня еще один прощальный сюрприз. Материализовался он в лице начальника областного ОВИРа – товарища Татаренкова, бывалого советского чекиста.

Бывалый советский чекист имел лицо Петросяна, только без признаков придурковатости. Вызвал он меня к себе в просторный кабинет за пару недель до отъезда.

Оказывается кто-то «стукнул» в контору о том, что, выезжая по гостевому приглашению, возвращения на родину я не планировал. Сказались мои общежитские застолья и безудержно-геройские откровения.

Мое потенциальное невозвращение являлось, в общем-то, проколом для самого Татаренкова, которому до пенсии оставалось менее четырех лет. Мол, не уследили, выпускали в гости, а человек не вернулся. Неприятная ситуация, одним словом.

И вот товарищ Татаренков Валентин Никитович неуклюже пытался дать моему отъезду обратный ход. А, проще говоря, слегка меня шантажировал:

– Борис, дорогой мой, – приятным ровным баритоном вещал он. – Нам всё известно. Вы собираетесь остаться в Америке. Посему, я даю указание пограничникам в Шереметьево, чтоб вас не выпускали, прежде чем вы не выпишитесь, а также не снимитесь с воинского учета и не сдадите свой советский паспорт. Были перечислены еще какие-то невыполнимые условия, без соблюдения которых граница для меня оставалась на замке. Я пытался блеять в ответ что-то неубедительное. Но он был волком в этом кабинете, а я овцой. И вели мы себя соответственно своим ролям. Мне стало как то не по себе. Резко и неумолимо захотелось срать.

Вызов, паспорт, виза, билеты на руках. Полтора года ожидания, последние деньги, потраченные на осуществление мечты. Все рушилось в этом кабинете с суровым портретом Дзержинского на стене. Я сглатывал слюну, которой уже не было и сжимал плотно ягодицы.

Вышел я от Татаренкова абсолютно обескураженный, подавленный и тотально вспотевший. Я верил представителю власти, как маме родной. Я не научился еще им не верить.

Но, вы знаете, я ничего не стал предпринимать. Ничего. Просто сел в поезд и поехал в Москву.

Потом было суточное ожидание своего рейса на прохладном полу в переполненном Шереметьево, далее четырехчасовая очередь на регистрацию, еще час очередь на паспортный контроль. И все это с той мыслью, что граница для меня ЗАКРЫТА!!!

Знобить меня перестало уже в абсолютно бесполезном для меня «дьюти фри».

Никуда Татаренков, конечно, не звонил.

Но я часто вспоминаю, что тогда, в его кабинете, не только угрозами и шантажом пытался меня уберечь от невозвращения начальник отдела виз и регистраций майор Татаренков.

– Борь, тебе все равно там не понравится. Ты вернешься, поверь мне, вернешься, – по отечески напутствовал меня улыбчивый чекист, прежде чем со мной попрощаться.

Тогда я воспринял те слова, как очередной хитрый ход коварного гэбешника. Мысленно ухмыльнулся, удивившись столь примитивной майорской уловке. Ну как может не понравиться в Америке... Ну как...

С Татаренковым мы встретились через пару лет в том же кабинете, но уже совсем по другому поводу.

– Ну что, школьник, вернулся? – широко улыбался уже российский подполковник, пожимая мне руку, – Говорил я, что не понравится тебе там? Говорил?

– Говорили, Валентин Никитич, говорили, – улыбался я в ответ чекисту как старому товарищу.

Милым человеком оказался этот Татаренков. Определенно.

Леля встретила меня в аэропорту. Смуглая. Негритянские полные губы, глаза-вишни, тонконогая, слегка тяжелый зад. Похожа на мать. Не мой типаж, но красивая. А если учесть, что в Америке красивую женщину на улице просто так не встретить, то она была яркой жемужиной среди тусклой галечной россыпи. С ней был товарищ – Саша. Саша Львович. Львович – не отчество, а фамилия. Высокий и тощий. Двигался развязно, словно, подпрыгивая. Большие блудливые глаза потенциального игрока казино. Причем, игрока, вечно проигрывающего (как потом оказалось – это было почти правдой). У Львовича была машина – убитый «Понтиак Бонневиль» восемьдесят четвертого года. Автомобиль ехал. И это было главное. Потому что такси до Бруклина стоило долларов пятьдесят, кажется. По тогдашним российским меркам – огромные деньги. Да и статус хоть и фиктивной, но, все же, невесты, видимо, не позволял Лёле усадить меня в общественный транспорт.

И уже через четверть часа этот самый Понтиак нес нас по многополосному хайвэю в сторону Бруклина.

Невероятных размеров, форм и расцветок автомобили проносились мимо. В то время американцы еще не отучились любить свои отечественные корабли на колесах. Я заглядывался на крокодилоподобные форды, кадиллаки, бьюики, олдсмобили из семидесятых. С длинными капотами, двудверные. На задних широких и пологих, обитых мягкой кожей стойках, декоративные окошечки, украшенные хромированными вензелями. Произведения искусства. До сих пор люблю эти телеги.

Наш «Бонневиль» удивлял меня не меньше. Впервые в жизни, с восторгом дикаря, я овладевал наукой управлять электрическими стеклоподъемниками и с тихим восхищением следил, как манипулировал Саша автоматической коробкой передач, где рычаг..., нет, рычажок переключения передач находился под рулевым колесом справа.

Время от времени Львович пытался ругаться с теми, кто нас обгонял. Истерично кричал в открытое боковое стекло загадочное «факин шмак» и высовывал поднятый средний палец в окно. Одним словом, всячески показывал на то, как он хорошо ориентируется в дорожном движении Нью-Йорка.

Справа и вдалеке открывалась панорама Манхэттена. Удивительно знакомая, просто хрестоматийная картинка из голливудских фильмов: серые близнецы-кирпичи международного торгового центра, остроконечные «Chrysler» и «Empire State Building». Первые в моей жизни небоскребы. Московские высотки не в счёт. Осознать реальность происходящего было не в моих силах. Я дал своему сознанию полную свободу. Не обременял его необходимостью прочувствовать важность момента. Да и не получилось бы. Я посадил себя в кинозал и наблюдал фильм. Вернее, я смотрел фильм о человеке, который сам смотрит фильм. Ведь еще позавчера вечером я собирал свой убогий скарб на шестиметровой кухне родительской квартиры

в городке, где за жигулевским пивом черниговского производства стояли в очереди по полтора часа. Где самым высоким небоскребом была убогая пятиэтажка для работников райкома партии.

– Факин шмак! – вопил очередному обгоняле мой новый американский знакомец.

– Гетта фак ари хиа-а-а-а! – неслоь ему в ответ.

Не первой свежести американский автомобиль нёс меня к какой-то совершенно новой, неведомой странице моей жизни.

Я дебилльно улыбался.

Между тем, слегка успокоившийся Львович хотел удивлять меня и дальше. Предложил заехать по дороге в магазин, купить пива. Я готов был удивляться.

Припарковались у придорожной продуктовой лавки. В Нью-Йорке их называют красивым словом «гросери». Пиво было предложено выбирать мне. Я и ранее то с трудом делал выбор между «Жигулевским» и «Мартовским». Просто ни разу в жизни не лицезрел их вместе. А тут...

Я почему-то схватил двухлитровую стеклянную бутылку «Old England». Наверное, это был самый неосознанный поступок в моей жизни на тот момент. Даже поступление на естественно-географический факультет пединститута было делом более закономерным, чем тот выбор пива.

Въехали в Бруклин. Нас окружили типовые многоэтажки из темного кирпича цвета высохшего говна. Казалось, что и пахнуть дома должны соответствующе. Обошлось. В воздухе хватало других ароматов. Запахи неведомых блюд из многочисленных кафешек и ресторанов, высокооктановый выхлоп прожорливых автомобилей, соленый океанский бриз и, все-таки, запах говна сливались воедино. Дома были плотно оплетены нехитрыми узорами пожарных лестниц. Ничего примечательного. Множество лавочек и магазинов с элементами бездефицитного существования местных жителей скрашивали пейзаж. Правда в них наблюдался какой-то совершенно не свойственный моему понимаю о западной торговле легкий бардак. К примеру, рядом с алкогольными напитками мог продаваться стиральный порошок, или связки бананов соседствовали на витрине с электрическими лампочками. Но в целом, впечатления это не обламывало.

Со временем попадалось все больше людей в странных этнических одеждах – то мужчина с платком на голове, обтянутым жгутом и в белой простынке до земли, то девушка в парандже, опять же, в чем-то длинном, но уже черном. С увеличением на улице количества смуглых людей в длинных этнических одеждах почему-то увеличивалось количество мусора на этих улицах. Легкий горячий ветерок носил всевозможного цвета обертки и пластиковые бутылки от одной обочины к другой. Кое-где все это скапливались в небольшие кучки и горки.

Как оказалось, родители Алёны жили в арабском квартале. Цены на жилье тут были значительно ниже и примиряли бывших советских евреев с необходимостью сосуществования в таком противоестественном соседстве. Лишних пятьдесят долларов в месяц позволяли евреям не любить арабов чуть меньше. Да и какое дело было нашим советским иммигрантам до этих вековых разборок. Сами в такой каше...

Трехкомнатная квартира, на эмигрантском сленге «двухбедрумная», тоже ничем особым не впечатляла. Впрочем, и не разочаровывала. Только вот удивляло сочетание в жилище былого советского дефицита и американского старья.

Львович, слегка амортизируя на своих длинных ногах, достал стаканы тонкого стекла с убогим листовенно-травянным узором (советский дефицит) из кухонного пенала, висевшего слегка криво над мойкой (американское старье). Пиво не успело нагреться. Настроение было радужным. Сбывались мечты идиота. Пена переваливала через край и стекала на клеёнку с изображением картинок из книги о вкусной и здоровой пище издания пятьдесят шестого года

(советский дефицит). Алена достала из горбатого холодильника «International» (американское старье) тонко нарезанный ломтиками (она сказала «слайсами») дырявый сыр. На кухонном столе издавал шум, но плохо показывал портативный телевизор «Шилялис» ядовито красного цвета (советский дефицит).

Взялись за стаканы с пивом. Не помню, был ли тост. Кажется, Львович что-то провозгласил за встречу в стране неограниченных возможностей. Я припал губами к янтарной жидкости. Пил нарочито жадно и быстро. Мол, по-другому еще не умею. Мол, тяжело соизмерять свою любовь к пиву с вашим капиталистическим изобилием. Сознание не на уровне, мол. Хотя, если честно, то пиво я не очень...

И вот, страна неограниченных возможностей преподнесла мне первый сюрприз. Допивая последний глоток, я почувствовал на языке инородное тело – мягкое и хрустящее. Быстро выплюнул на ладонь. Присмотрелся. Таракан! На дне поспешно схваченного стакана оказался обычный бытовой таракан! Такого подвоха от Америки я не ожидал. В раю ведь не бывает тараканов на дне стаканов из тонкого стекла! Но он лежал на моей ладони – до полусмерти придушенный челюстью, но все еще живой. Лежал и вяло шевелил лапками.

Знамение, в некотором роде, оказалось пророческим. В Америке было все. В том числе и холодное пиво сорока сортов. Но на дне каждого стакана имелся свой таракан. Жаль, что я тогда не придал этому знаку никакого значения. Я просто взял новый стакан.

Американская действительность запустила свой суровый секундомер.

Нужна была работа. Долг в девятьсот долларов угнетал.

С самого утра я слонялся по расплавленным улицам Бруклина. Как привидение вваливался во все попадавшиеся мне на пути лавки, магазины, офисы, рестораны. Тупо бормотал под нос:

– Ай лукин фор э джаб.

На меня смотрели, словно сквозь стекло. В лучшем случае обещали перезвонить. Говорили еще что-то, но это «что-то» я уже не понимал. Наше школьное «май нэйм из Борис» и «зис из э тэйбл» за английский язык тут не прокатывало. Я абсолютно не улавливал, о чем говорили вокруг. Все сливалось в одно нелепое горловое карканье.

Однажды меня все же пригласили на собеседование. Пригласили по протекции. Протезировала меня женщина без возраста – Инна. В СССР она заведовала дефицитным обувным отделом в киевском универмаге «Украина». В Нью-Йорке же за три доллара в час ей приходилось присматривать за четырехлетней сопливой девочкой Синди в семье умеренных еврейских хасидов.

Первая встреча с Инной запомнилась ее стартовой, произнесенной с неуместным пафосом фразой:

– Огромная удача и счастье, что ты попал в эту великую страну. Но чтоб стать здесь человеком и вытащить сюда родителей, тебе нужно будет съесть два мешка говна.

Я слегка смутился. Мне не хотелось есть говно даже в объеме спичечного коробка. Но слушал я ее внимательно. Она продолжала планировать мою жизнь в Америке по следующей схеме:

– Лет семь-восемь никаких пьянок-гулянок, никаких дискотек и путешествий, никаких клубов-ресторанов, никаких девочек-подружек. Только работа и учеба.

Работать, я так понял, мне предстояло в нескольких местах сразу. Ну, и параллельно учиться, конечно.

– Иначе, не выплывешь, – подводила итог моя американская наставница из универмага.

А мне тогда не исполнилось еще и двадцати двух. Перспектива не впечатляла. Такими жертвами становиться человеком можно было и в Зимбабве.

Самое интересное, что она была почти права.

Ее американско-еврейские работодатели держали шляпный салон и кондитерскую лавку. Собеседование мне предстояло пройти на вакансию продавца конфет. Инна уверила хозяйку, что английский у меня на уровне. Ну-ну, подумал я.

Пришел я на собеседование раньше назначенного времени. Инна уже была на месте. Прогуливалась с коляской вдоль тротуара. Я присоединился к ней.

Хозяйка конфетного бизнеса имела пустое американское имя – то ли Шелли, то ли Келли.

Она опоздала не более, чем на полчаса. Абсолютно непримечательная, словно выцветшая на солнце простынка, женщина с вычурной шляпкой на яйцевидной голове. Деревянная американская улыбка во весь рот, без малейших признаков желания улыбаться людишкам второго сорта. Традиционный выкрик «How are you doing?!», ответа от нас с Инной не требовал.

Я сосредоточился, чтоб правильно улавливать ею произносимое. В случае чего, буду со всем соглашаться, улыбаться и утвердительно качать головой, решил я. Не повредит.

Шелли стала что-то говорить, активно жестикулируя. Речь ее больше напоминала перекачивание камней-окатышей во рту. Блядь, выругался я мысленно – ничего не понимаю. Но головой мотал исправно и время от времени вставлял в ее монолог своё дебильное «окей» и «йес». Через пять минут она закончила и вопросительно посмотрела на меня. Я с радостью и готовностью пони к извозу, утвердительно кивнул копной своих длинных и неухоженных волос, выдав очередное «йес!». Она что-то повторила из ранее сказанного, мило и фальшиво улыбнулась. Я предположил, что меня спрашивают о готовности приступить к работе. Махая радостно гривой, я по идиотски повторял свое:

– Ноу проблемс! Окей!

В третий раз эту же загадочную фразу конфетная хозяйка произносила уже с явными признаками раздражения, хотя ртом еще пыталась улыбаться. Я не предполагал ответа хуже, чем громкое «окей!». Что и выпалил тут же. Шелли-Келли напряглась и застыла на пару секунд, став похожей на восковую фигуру Маргарет Тэтчер из музея мадам Тюссо.

Интуиция подсказывала, что конфеты продавать мне было не суждено, но надежда еще теплилась. Я глупо улыбался. Инна сквозь зубы процедила мне на ухо:

– Она просит тебя выйти во двор, подождать результатов апойтмента. Просит уже в третий раз, идиоооот...

Конечно, меня не взяли.

Английский язык – мой любимый школьный предмет, становился лютым врагом и основным препятствием для поиска работы.

На следующий день я уныло побрел к отцовскому другу детства Алику Фельману. Я много о нем слышал. Даже припоминал его героический отъезд, в середине семидесятых.

У нас дома имелась куча фотографий, где мой отец, еще юноша, с Фельманом играет в волейбол, с Фельманом на танцах в горпарке, с Фельманом на пляже с девчонками.

У меня, как у Дартаньяна, имелось сложенное вчетверо письмо, написанное папиным каллиграфическим почерком. В письме отец просил друга юности, во имя их вечной дружбы, пристроить сыночка хоть на самую плохонькую, грязненькую, но работу. Алик владел строительной компанией. Думалось, что место разнорабочего он мне найдет.

Строительный магнат встретил меня на пороге своего дома на Ocean Park Way широкой золотозубой улыбкой и с тревогой во взгляде. Из дома выпорхнула его жена. Она была похожа на большую, ярко накрашенную саранчу.

Наша беседа проходила на пороге большого фельмановского дома. Мы стояли на коврике с надписью «Welcome». Вовнутрь дома никто меня не приглашал.

Говорили недолго. Строительный босс спрашивал об отце, удивлялся его желанию переехать в Америку. Жена, реагируя на мой рассказ о сложностях жизни на бывшей родине,

время от времени взвизгивала противным фальцетом «Анбиливибел!!!», взмахивала костлявыми руками-крыльями в порыве притворного удивления.

Папино письмо Фельман читал бегло, как инструкцию к применению мелкого электроприбора или аннотацию к лекарству. Мне припомнилось, что отец морально готовился к написанию прошения дня три и еще столько же его крапал. Прочитано же все было за полминуты.

Отцовский друг молодости купил мне жестянку пива за полдоллара, посоветовал выучиться на медбрата и попрощался.

Еще один выстрел мимо.

Время бежало неумолимо.

Работу я все же нашел. Кстати, в строительной компании. Правда, владел ею не отцовский друг, а совершенно мне незнакомый львовский еврей Майлах.

Меня взяли «шлеппером». В переводе со сленга – чернорабочим. Пять долларов в час. Столько стоили мои руки. Контора находилась в Квинсе.

Рабочий день с половины девятого утра до полшестого вечера. В одиннадцать – пятнадцатиминутный кофе-брейк. Во время кофе-брейка присаживаться запрещалось. Пить кофе и жевать свой чизкейк можно было только стоя. Причем, это контролировалось бдительным бригадиром Леней, – маленьким веселым и чернявым еврейчиком, боссовским шурином. Перерыв на ланч полчаса, с двенадцати до полпервого. Обедать можно было сидя. Вот такое вот нехитрое расписание.

В первый рабочий день Лёня отправил меня на ответственный участок – в котлован. Снабдил киркой, лопатой и одноколенной тележкой. В котловане Америка вконец потеряла для меня голливудские очертания.

В напарники дали гуталинового негра Джоуи. А скорее, это меня ему дали в напарники. Рыть котлован под опалубку было дешевле силой четырех рабочих рук за десять долларов в час, чем нанимать экскаватор за двести.

Джоуи был невысоким, жилистым, типично гарлемским ниггером. Широкие джинсы порэповски висели на бедрах в десяти сантиметрах ниже трусов. Во рту сверкал золотой зуб с выгравированной заковыристым вензелем буквой «J».

Наше рабочее задание было наипростейшим. Джоуи копал вглубь, грузил мне землю в тележку, а я должен был вывозить ее из котлована по деревянному настилу и вываливать в отвал наверху.

Тележка меня не слушалась. Передвигать однокольный механизм по прямой мне никак не удавалось. Несколько раз я не доезжал до отвала вовсе, вываливая содержимое то влево то вправо. Время от времени тележка катилась на меня обратно с крутого, уходящего вверх деревянного настила. Хорошо, что этого никто не видел. Я был похож на мультяшного волка из «Ну погоди!». Там он, кажется, в двенадцатой серии, тоже убегал от тележки с песком. Веса во мне тогда было не больше шестидесяти килограмм, я никогда и нигде по настоящему не работал. А тут сразу в котлован.

Джоуи на самом деле работал как негр. Наполнял он тележку молниеносно и с энтузиазмом. Он был правильным негром – не пил, не курил, развивал мышечную массу. Сорокаградусная августовская жара ему не мешала.

К обеду я понял, что больше не доведу до отвала ни одного грамма земли. Предложил напарнику поменяться ролями. Он с удовольствием согласился. Теперь у меня была кирка и лопата, у него тележка. Временно стало легче. Появились хоть какие-то перерывы в работе. Но чертов Джоуи так быстро возвращался, что я не успевал даже прикурить сигарету. Кроме того, когда он катил наполненную землей тележку, то производил руками движения вверх-вниз. Я спросил его, зачем. Он ответил, что таким образом хорошо развивается группу мышц,

не задействованных при других видах работ. Идиот лиловый, подумал я про себя и сплюнул под ноги чем-то вязким.

К концу рабочего дня я открыл жестяную банку дешевой газировки со вкусом имбирного эля и вылил липкую жидкость себе на голову. Ей богу, не вру. Я просто, не знал, откуда мне ждать облегчения. До полшестого оставалось десять минут. Я просчитывал время по секундам.

А ровно в пять тридцать бригадир Леня предложил всем желающим остаться на овертайм. Десять долларов к зарплате лишними никому не показались. Все взяли и согласились. Я тоже. Из трудовой солидарности, что ли.

Как я дожил до конца того рабочего дня, я не понимаю до сих пор. Может быть, у меня открылось второе дыхание, а может я, просто, умер на те дополнительные два часа. Не помню. Еле добрался до душа. Весь пропах сладкой газировкой. До сих пор запах имбирного эля вызывает у меня позывы к рвоте.

Но отступать мне было некуда. Долги, аренда, еда, в конце концов. Порвались даже последние носки...

А через две недели я понял, что начал потихоньку привыкать к этому каторжному труду. Тележка уверенно держала баланс, лопата не вываливалась из рук, кирка, – та вообще казалась орудием труда, которое я держал в руках с рождения. А самое отрадное из всего этого было то, что я начинал понимать их английский язык. Сотрудничество с гарлемским негром пошло мне впрок. Кашеобразная словесная блевотина начала приобретать очертания понятных мне предложений. Месяца через два я спокойно мог изъясняться на любую тему. Вот такие вот курсы английского разговорного.

В ответ я обучал Джоуи русскому. А чему я его еще мог научить.

Спрашивал у напарника:

– Joeу, are you блатной?

Он деланно злился и с вызовом переспрашивал:

– Am I blackной? Did you call me black, fucking russian lazy bom?! – и мы оба не сдерживали смех от этого лингвистического каламбура.

Временами, когда работать не хотелось совсем, над Квинсом несло громогласное негритянское:

– Do something, russkiy huy!!!

Я опять хохотал.

Вскоре наша бригада стала еще интернациональней. К нам добавили Габи – Габриеля, американца пуэрториканского происхождения в вечно натянутой на голове бандане. К счастью Габи оказался ленивым. Очень ленивым. Он гармонично уравновешивал производственный порыв Джоуи и мою трудовую импотенцию. Габриель считался порочной, даже падшей личностью. Выражалось это в том, что раз в месяц он мог уйти в запой. Пуэрториканский запой выглядел так: латинос не выходил на работу, с утра разбавлял двести пятьдесят грамм джина с тоником в одинаковой пропорции, вставлял в емкость трубочку и пил этот коктейль на протяжении всего дня. Был весел, навещал нас с Джоуи на работе, балагурил, переходя с английского на родной испанский. Одним словом, гулял. Окружающие не знали признаков русского запоя. Иначе, не назвали бы коктейльное баловство пуэрториканца столь грозным словом.

Как-то, в ноябре я решил «выставиться» по поводу своего дня рождения. Большинство работяг в нашей шаражке были поляками. Еще несколько русских, вернее, русских евреев, негр Джоуи, и этот самый пуэрториканец Габриель. По такому случаю в польском магазине я приобрел пластиковую бутылку недорогой водки «Poroff», примитивную славянскую закуску в виде чесночной колбасы, оранжевого острого шпика, черного ржаного хлеба, еще какую-то консервацию в стеклянных банках.

За час до окончания смены начали разливать. Негр не пил, только ел чесночную колбасу, запивал колой, громко срыгивал, удивляясь, как можно есть такую вредоносную пищу. Всем остальным было разлито по половине пластикового стакана. Налили и Габриелю. Через минуту повторили. После третьей все стали благодушными и говорливыми. Поляки с русскими начали хмельной спор о роли Леха Валенсы в историческом процессе. Никто не заметил, как пропал пуэрториканец. А пуэрториканец уже мирно посапывал на дне свежeverытого котлована. Вытаскивать его оттуда никому не хотелось. Было лень. Славяне продолжали спор. Джоуи догрызал «жопку» чесночной колбасы, закусывая маринованным патиссоном.

За пятнадцать минут до конца рабочего дня пришел босс – огромный пейсатый и рыжеволосый еврей Майлах. Когда-то, во Львовской области он был Михаилом. Перебравшись в Израиль, стал Майлахом, принял веру. Причем, самую ортодоксальную ее ветвь – хасидскую. Каждый год, согласно Торе, жена рожала мужу рыжего и крупного отпрыска. Майлах послушно ждал Мессию. Ждать предпочитал в Америке.

При виде хозяина, вся рабочая компания сосредоточенно приняла нейтральный вид. Пластиковые стаканы уже давно унесло ветром, пустая бутылка была зарыта в песок, закуска съедена. Задав пару дежурных производственных вопросов, Майлах спросил о местонахождении Габи. Поляки недоуменно пожимали плечами, русские сделали вид, что не поняли вопрос.

Габриеля выдал храп, доносившийся из котлована. Майлах разбудил его тычком совковой лопаты по заднице. Пуэрториканец осоловевшими глазами смотрел на окружающий мир, пытаясь восстановить действительность. Потом неловко начал карабкаться вверх. Несколько раз скатывался обратно. Бандана слетела с головы. Все удивились тому, что латиноамериканец оказался абсолютно лыс. Лыс, как электрическая лампочка. После десятиминутной борьбы нетрезвого человека с земным притяжением, Габи, все же, выкарабкался. Он смотрел на большого еврея пьяными раскосыми глазенками, слегка покачивался, глупо и блаженно улыбался. Неожиданно и как-то довольно резво полез к Майлаху с объятиями. Огромный хасид, вытаращив и без того безразмерные глаза, попятился назад. Габриель, все же, достиг свою цель уже на краю котлована. Обнял хозяина, уткнулся ему лысиной в нечесаную рыжую бороду и тихо проскулил такое родное русское:

– Do you respect me, boss?

Ну, вот откуда это берется? Скажите мне...

За год работы на стройке я довольно крепко сдружился со своими собратьями по кайлу и лопате. Особенно с Джоуи. Я даже по доброй советской традиции помогал гарлемцу переезжать на новую квартиру. Перетаскивал диваны и бытовую технику. Живо участвовал в расстановке мебели.

Пришло время возвращаться в Россию. Начинался мой последний рабочий день. Мне, воспитанному в духе единства, равенства и братства захотелось что-то оставить о себе на память этому смешному и крепкому негритенку. Ну, какой-то подарок. Бывают у меня такие сопливо-сентиментальные порывы. Говорю ему, чего тебе подарить, мой афроамериканский товарищ? Афроамериканский товарищ пожелал иметь на светлую память обо мне тоненькую цепочку из советского золота пятьсот восемьдесят пятой пробы, которая сиротливо болталась на моей одуванчиковой шее. Негры любят золото. А уж советское золото точно сошло бы в Гарлеме за эксклюзив. Я тут же торжественно, чуть ли не со слезой, перевесил цепочку со своей тонкой шеи на крепкую черную шею американца. Джоуи выдал в ответ свое негритянское алаверды.

Мое желание было весьма прозаичным. Я хотел на память джинсовую рубашку «Wrangler» с длинным рукавом, как у Ванн Дама в «Кровавом спорте». Джоуи не менее торжественно пообещал после работы вместе со мной поехать в магазин для приобретения столь

модного предмета гардероба. Я уже представлял себя, шеголяющим в новенькой джинсовой рубашке по улице Ленина родного города.

Джоуи убежал с работы за полчаса до ее окончания. Он знал, что у меня завтра утром самолет. Больше мы с ним не виделись. Никогда. Вот такая вот дружба по-американски. Ценой в тридцать пять долларов.

Но все это будет потом, а пока Алена знакомила меня с квартирой. Показала место моей дислокации. Мне предназначалась родительская спальня. В первую же ночь под подушкой я обнаружил изделие №2 баковского завода резиновых изделий. Оно было, к счастью, не использованным. Основательно же наши люди готовились к переезду, подумал я, уныло рассматривая тусклую и затертую упаковку советского гондона. Два года как они жили в Америке, а все еще предохранялись с помощью грубой советской резины. Или частота сношений мизерная, или они вывезли с собой весь презервативный запас маленького украинского городка (мои родители, живущие теперь в Израиле, рассказывают, что у них есть друзья, которые до сих пор еще используют советские электрические лампочки. И это после восемнадцати лет пребывания в эмиграции!).

Так вот. Опочивальня была крошечной – с трудом вмещалась двуспальная кровать, тумбочка с миниатюрным черно-белым телевизором на ней и еще выкрашенный белой краской шкаф. Всё.

Телевизионные каналы я без труда мог переключать ногой, не вставая с кровати. Окно размером чуть больше телевизора. Открывалось как в электричке – сверху вниз. Вид из окна потрясающий – на расстоянии полуметра глухая стена из кирпича все того же цвета высохшего говна. Протянув руку, ее можно было потрогать. Но я был рад и этому. Учитывая, что последние полгода я ночевал на столе в ленинской комнате общежития пединститута, какие могут быть притязания.

Дома мы были одни.

Зашли в комнату, где проживала моя будущая жена. Стены увешаны постерами из молодежных журналов – Ванн Дам, «Нью Кидс он зе Блок», Мадонна, еще какая-то хрень.

Леля с размаху грохнулась спиной на диван. Потянувшись всем телом, произнесла в истоме:

– Слава богу, у меня вчера менструация началась.

Так и сказала, по-медицински сухо и очень противно – «менструация». Я опешил.

– А то я боялась, что залетела от Вадика, – продолжала вещать моя фиктивная невеста.

Я тупо молчал, разглядывая бицепсы настенного Ванн Дама. Пытался не покраснеть и силился понять, зачем мне нужна столь ценная интимная информация.

Теперь догадываюсь. Она давала понять, что, как бы находится на совершенно другом уровне внутренней свободы. И что два года проживания в демократической стране не прошли для нее зря. И мол, якобы, как все американцы она стала раскрепощенной, сбросила с себя оковы ханжества.

Конечно, чистой воды бравада... Но ей хотелось, чтоб я так почувствовал. Почувствовал я совершенно другое. Такое впечатление, что в воздухе запахло бинтами.

Дальше – больше. Совершенно неожиданно для моей психики она стала вываливать на меня поток информации о своей интимной жизни в Америке. Я очень быстро узнал, о том, что она встречается с добропорядочным мальчиком из скромной минской семьи – Вадиком. Спит с ним больше для порядка, чем для удовольствия. А вот Гурген из Бухары, тот в постели безостановочный комбайн, хорош, как бог, но они «посрались» из-за его патологической рев-

ности и восточной взрывоопасности. Ее одолевали сомнения, по какому пути пойти – спокойному и пресному или сладкому, но рисковому. Моего совета она не требовала. За следующие полчаса я был посвящен в то, что во время секса ей особенно нравится сосать большой палец ноги партнера, а тех нечувствительных дурочек, которые не знают, что такое прелести глубокого минета, она бесконечно презирает.

Нужно было как-то начинать разговор о собственной свадьбе. Но я не решался. Лёля все сделала вместо меня. Мимходом, скороговоркой, сквозь частокол слов о прелестях полноценной половой жизни, Алена выдавала следующий текст:

– Расписываться нет смысла. Мы узнавали у лойеров. Это ничего не даст. Надо будет подавать на статус беженца по религиозным и политическим мотивам. На Брайтоне есть хороший русский лойер. Она за полторы тысячи в три этапа все сделает. Тебе уже назначен апойтмент на завтра. Мама тебя записала.

Она даже вспомнила название этой юридической забегаловки – то ли «Зоя Лойер Инкорпорейшн», то ли «Фаина Зильбершуллер энд Ко».

Я так понял – это было первое место, куда мне предстояло надеть бабочку.

Веселый поворот, подумалось мне. Становиться беженцем по религиозным и политическим мотивам я был не готов.

Девушка щебетала дальше. Я пытался размышлять. Ничего не получалось.

Наверное что-то изменилось за тот год, что я собирался в дорогу...

...А что Лёля. Она мне подарила десять долларов и ушла мириться с Гургеном. Наверное, беспонтовый в сексуальных утехах Вадик не давал ей возможность во время секса сосать большой палец ноги.

Я остался один на один с настенными звездами из Голливуда.

Так я перестал быть женихом. И начал проживать в бруклинских апартаментах на правах сына друзей родителей. Находясь с Аленой в одной квартире, видел я ее нечасто. Дневной распорядок моей бывшей невесты был наипростейшим: если не нужно было в колледж, она просыпалась около часу дня. А в колледж нужно было, кажется, три раза в неделю. Потом был душ, неспешный завтрак. Часа два уходило на макияж. В районе восьми вечера она уезжала в клуб. За ней приезжали попеременно – то Вадик, то Гурген. Иногда кто-то еще. Возвращалась под утро. Если с Вадиком, то около трех часов после полуночи, если с Гургеном, то на полтора-два часа позже. Если с кем-то еще, то совершенно по-разному.

Так шли дни, недели. Я метался по раскаленному городу в поисках работы. К вечеру приходил уставший, заваливался на кровать, пытался учить английский, одновременно смотрел телевизор. Их двенадцать федеральных каналов, после наших союзных двух казались мне медиапиршеством. Яркая и шумная реклама взрывала мозг. Слоганы запоминались наизусть бессознательно и намертво. Пальцы ног уставали переключать каналы.

Через три недели все надоело. Ненавистная уже реклама шла по двадцатому кругу. Бесконечные сериалы и ток-шоу я не понимал ни в плане языка, ни в плане смыслового восприятия. Футбол не показывали. Постановочный реслинг с уродливыми накачанными клоунами раздражал. Бейсбол вводил в состояние тихого бешенства.

Иногда случалось так, что Алена оставалась вечером дома. Обычно это было в день перед ранними занятиями в колледже. И в эти вечера происходили странные вещи. Полагаю, что странные...

Я как обычно валялся со словарем на чужой кровати. Телевизор фонил. В каждый из таких вечеров она приходила ко мне в спальню. Мы общались. Нам на самом деле было о чем поговорить. Общее детство в одном дворе. Набеги на соседские вишневые и абрикосовые сады. Футбол двор на двор. Мы много смеялись, лежа на одной кровати. Воспоминания становились настолько осязаемыми, что в спальне этой убогой бруклинской квартиры явственно

ощущался приторный запах жаркого украинского лета с его шелковицей, крыжовником, пылью проселочных дорог, грязной рекой, где мы плескались с утра до вечера, разбитыми коленками, утренней яичницей с салом.

И всякий раз, прежде чем уйти спать, она просила сделать ей массаж. И все бы ничего, но она была после душа и на ней не было ничего, кроме повязанного поверх тела полотенца. И массаж она просила сделать не какой-нибудь, а массаж ног. А повязанное вокруг смуглого тела полотенце лишь слегка прикрывало соски сверху и заканчивалось чуть прикрывая промежность снизу. На пару сантиметров. И она ложилась на живот, слегка разводила ноги и ждала. А мне двадцать два. И женщины у меня не было... Давно, одним словом, не было.

По всем законам жанра, я смущенно начинал массаж со ступни. Медленно, но верно, неумелыми переборами, передвигался выше. Всеми силами пытался придать этому процессу медицинско-профилактическую направленность. Ничего не получалось. За какие-то пару сантиметров до того места, где заканчивалось полотенце я инстинктивно увеличивал временную фазу лечебного процесса. Пальцы явственно ощущали тепло плоти девятнадцатилетней подруги детства. Физиология брала своё. Я незаметно набрасывал на себя убогий советский плед. Далее я переходил к менее интересному возвратному движению снова к стопе. Так могло длиться час-полтора. Леля посапывала. Я был на грани подросткового конфуза.

До сих пор не могу понять, что это было. То ли Алёна на самом деле была раскрепощена до непонимания очевидных общечеловеческих истин, то ли она и во мне видела объект сексуальных притязаний. Только объект абсолютно бесполезный. Может в силу своей врожденной робости, а может в силу слишком правильного провинциального воспитания. А может, ничего странного в моей истории нет...

Родителям полуночный образ жизни дочери не нравился. Часто возникали предрассветные скандалы. В мою келью доносились обрывки фраз: «Сука,... в подоле принесешь... колледж... учиться... гулять... спать... будущее... клубы... пьянки-гулянки... ни о чем не думаешь... в жопу засунь... сама все знаю... заберем ключ... ночевать в подъезде... ёб твою мать».

После очередного клубного загула отец на самом деле конфисковал у нее ключ от квартиры, предупредив, что в двенадцать дверь квартиры закрывается без вариантов. Леля не захотела играть в золушку и в первую же ночь после изъятия ключа пришла в полпятого утра. Дверь, естественно, никто не открыл.

Но бруклинские дома снабжены хорошей сетью противопожарных лестниц. Алена в квартиру полезла по одной из них. Когда я услышал в предрассветной мгле стук в окно нашего высокого третьего этажа, то немало удивился. Когда же сквозь стекло увидел Алену при полном вечернем макияже, в короткой юбке, застывшую в позе игуаны на ржавой пожарной лестнице, то сначала подумал, что еще не проснулся. У девушки не было намерения сразу проникнуть в дом. Сначала она попросила у меня ею же подаренные десять долларов, чтоб рассчитаться за такси. Скороговоркой произнесла в открытое окно:

– Гурген, дебил, пропил все деньги в клубе. Мачо бухарский, блядь. Потом верну...

Наутро был жуткий скандал. Ближе к вечеру Алена собрала чемодан и исчезла в неизвестном направлении...

Спустя полтора месяца она вернулась. Все закрутилось по-новому. Но меня уже к тому времени не было в их двухбедрумных апартаментах.

С тех пор мы виделись с Аленой всего один раз. Это было уже перед самым отъездом, в последний мой американский вечер. Я пришел слегка пьяненький с бутылкой водки «Smirnoff», банкой соленых огурцов и петлей краковской колбасы. Мне пришлось в голову

поблагодарить людей, с помощью которых я год прожил в этой стране, многое увидел, узнал, испытал. Настроение было благодушное. Не хотелось вспоминать ни о чем плохом. Аэрофлотовский самолет уже наверняка летел за мной над Атлантикой. И это примиряло меня с дисгармонией окружающего мира окончательно и бесповоротно.

Дверь открыл дядя Валик – Лёлин отец. Приложив палец к губам, жестами пригласил на кухню. Вышла Алена с косметическим набором в руке. Она готовилась к очередному вечернему променаду. Мать Алены – тетя Люда, – не вставая с постели, из другой комнаты осведомилась кто пришел. Дядя Валик проблеял:

– Борик пришел, он завтра уезжает. Хочет поблагодарить, вот бутылку принес. Выйдешь?

– Нечего тут пьянки устраивать. Идите на улицу отъезд отмечать! – донеслось как из могилы.

Я все же решил попроситься самолично. Зашел в темную спальню. Пытался говорить витиевато и с пафосом. Тетя Люда торчала взъерошенной головой из-под одеяла, нелепо оперев ее о ладонь. Чувствовалось, что моя благодарственная речь ей в тягость и она ждет скорейшего её окончания. Скомкав монолог, я попятился назад к кухне. Мне кажется, что уходя мне даже удавалось слегка, в такт походке, кланяться своей благодетельнице.

С Аленой сдержанно обнялись. Я натянато улыбнулся, мы попрощались. Дядя Валик утробно взирал на водку с колбасой.

Благородный «Smirnoff» был приговорен в тесном пространстве дядиваликовского Бьюика. Колбаса пачкала руки, огуречный рассол капал слезами последней встречи на брюки. Говорить было не о чем. Так широко начинающаяся акция по перетягиванию дружественного семейства в благодатную заокеанию скомкалась до нелепого молчаливого употребления алкоголя в салоне десятилетнего автомобиля с протертыми велюровыми сиденьями.

Дядя Валик, покачиваясь, побрел домой. Его силуэт в ночи напоминал пережравшего халявной жратвы волка из хорошего советского мультфильма «Жил-был пёс». Тетя Люда, наверняка, уже давно спала и видела сны о том, как ее берут помощником бухгалтера в муниципальную контору. Леля собиралась в очередное randevu по ночному Бруклину.

Эти люди были еще так рядом и уже так бесконечно далеко. Ведь, это мой, а не их самолет славной советской марки «Ильюшин-86» уже приземлился у терминала «В» аэропорта имени Кеннеди, чтоб вынести меня из тесного пространства этого «Бьюика». Подальше от замшелых эмигрантских разговоров о цене помидоров в лавке «У Лёни», от смешного бахвальства профессора московского университета, раздающего в Манхэттене рекламные листовки за четыре доллара в час, доказывающего правильность выбранного пути. Подальше от тошнотворной смеси одесского суржика, идиша и вкраплений нью-йоркского английского. Я освобождал этот нелепый мир от себя, и себя от этого мира. Я, ей Богу, не нашел свободу в самой свободной стране...

Но это все было потом. А пока, я все еще хотел стать американцем. Меня ждала брайтоновский чудо-адвокатесса. Ехать предстояло с несостоявшейся тещей. Стал собираться.

С гордостью выволок на свет из чрева чемодана, заботливо уложенную мамой «бабочку». Трогательно ее рассматривал. В этом примитивном миниатюрном изделии было столько тепла маминых рук, что казалось, будто от «бабочки» исходит легкое свечение. Забота, которую она проявляла обо мне всю жизнь сконцентрировалась сейчас в этом нелепом бархатном аксессуаре. Почему-то захотелось плакать.

Когда я перешел к поиску рубашки в комнате с лицом надзирательницы зашла тетя Люда. Придирчиво рассмотрела содержимое чемодана.

Металлическим голосом вынесла вердикт:

– Полный чемодан дерьма привез. Это же Америка, Нью-Йорк. Между прочим, находится на широте Ташкента. Шорты надо было брать и футболки. Тут всем наплевать, как ты

выглядишь, лишь бы тебе удобно было. Постельное белье тоже не взял? Плохо. О чем твои родители думали?

Спорить не хотелось. Ощущение «дежа-вю» усиливалось. Уже во второй раз за сутки план поведения на новом месте жительства предполагалось развернуть на сто восемьдесят градусов. То отменили женитьбу, то лишили возможности пощеголять по Бруклину в самопальной «бабочке».

Адвокатесса Фаина больше напоминала товароведа советского разлива. Высокий, густо залакированный начёс, яркая губная помада, масса советского золота. Ее люриксовая блузка отражалась в потолке и на стенах сотнями солнечных бликов. Говорила она как гипнотизер на сеансе.

– Шанс получить «грин-кард» у вас, молодой человек, необычайно высок. Ваше счастье, что вы обратились именно ко мне. Мы попробуем доказать, что вас ущемляли на религиозной и национально почве. С вашей фамилией это несложно. Придумайте и напишите легенду ущемления. Желательно с именами, фамилиями и чего-то такого, во что бы поверили. Окей?

Я готов был придумать ее за вот это вот ее «что», но я послушно закивал головой, обещая придумать легенду минихолокоста.

– Сейчас я заполню анкетку, – хищно улыбаясь, продолжала она, – И уже через месяц у вас будет соушал секьюрити и временное разрешение на работу. Да, вот еще что. Вам нужно будет посещать синагогу.

– ??? – спросил я глазами.

– Недолго, хотя бы годик. Это нужно, чтобы получить письмо от раввина о вашей тяге к иудаизму. Ну, что типа ви тянулись к вере, а вам коммунисты не давали Это тоже повлияет. Окей? Распишитесь тут и тут. Пятьсот долларов оставьте в коридорчике у секретаря.

Ослепленный люрексом и обескураженный напором адвокатессы Фаины, я побрел домой писать историю моего ущемления.

Память судорожно выхватывала из прошлого случаи, когда меня обзывали жидом. Но это было в запале дворовых драк и разборок. Жить это не мешало. А, уж, тем более, не могло стать причиной отъезда. Но все же скелет легенды был. Остальное можно было наложить, применив фантазию.

Легенда слагалась тяжело, выглядела убого и неправдоподобно. Помню, там фигурировал сосед по фамилии Степаненко, который, якобы, подбрасывал в наш почтовый ящик листовки с антисемитскими лозунгами. От постановочности сюжетов могло стошнить. Но я крапал.

Далее, мне предстояло доказать свою непреодолимую тягу к иудаизму. С этим было сложнее. По крови-то я еврей, но традиции и каноны иудаизма в моей семье почти не соблюдались. Синагогу в городке разрушили давно, у папы с бабушкой были партбилеты. Мы были образцом советской еврейской семьи. Так что вхождение в религию предстояло мне пройти впервые. Ну, да ладно, подумал я, чего только не сделаешь ради великой идеи.

Поэтому, каждую пятницу, после работы, я прыгал в трейн, колотился в нем час, заскакивал домой, быстро смывал с себя строительную пыль, натягивал на себя черный шерстяной костюм. Потом набрасывал на голову ермолку, прикалывал ее к волосам «невидимкой», чтоб не свалилась, и мчался в синагогу встречать шаббат, то есть святую субботу.

Иудаизм оказался религией специфической. Во-первых, меня удивило, как евреи молятся. Весьма странное и даже пугающее зрелище. Читают Тору и интенсивно раскачиваются. Кто взад-вперед, кто влево-вправо. Причем, делают они это на протяжении всей молитвы. Поначалу создается впечатление, что находишься не в синагоге, а на занятиях в школе для больных даунизмом и олигофренией.

Так вот, уставший, как бурлак, я приходил в благочестивое культовое заведение и пытался вместе со всеми молиться. Иврита я еще тогда не знал, английский на уровне «подай-принеси».

Что я делал? Я брал с полки Тору, пристраивался к кому-то из молящихся, заглядывал ему через плечо, высматривал номер страницы, переворачивал у себя на ту же и начинал интенсивно, совершенно противоестественно раскачиваться, бормоча себе под нос что-то, напоминающее еврейские песнопения. На протяжении часа я занимался этой клоунадой. Все время хотелось себя ущипнуть и проснуться.

Через неделю меня познакомили с правоверной еврейской четой. Чета взяла надо мной нечто, вроде шефства. Американцы всё пытаются найти в жизни некую миссию. Видимо, в качестве своего индивидуального предназначения на земле та семья сделала выбор в сторону религиозного просвещения бедного советского еврея, вырвавшегося из лап коммунистической инквизиции. Ведь я был представлен в синагоге чуть ли ни как узник лубянского подвала. Случившийся на родине днями ранее путч, еще не сдуся и добавлял моему приезду оттенок побега. Во время этой презентации у кого-то из присутствующих даже влажно заблестели глаза.

Я на самом деле выглядел жалко. Труд в котловане сделал меня похожим на военнопленного. Шерстяной польский костюм и чехословацкие туфли «Цебо» с легкомысленными латиноамериканскими кисточками респектабельности не добавляли.

После молитв американо-еврейская семья приглашала меня на субботнюю вечерю. Я блистал дремучим религиозным невежеством. Разве мог я это все знать? Разве учили меня этому на политинформациях в средней советской школе? В семье об иудаизме говорили с опаской. Коммунистическая партия не поощряла тягу своих членов к религиозному знанию и соблюдению. А уж такие глубины иудейской субботы, как зажжение свечей перед молитвой, омовение рук, законы трапезы я не знал и подавно. И все бы ничего. Но ведь у меня была легенда. Я же ведь был представлен им всем как великодуховная личность, тянувшаяся к вере сквозь препоны тоталитарного режима. А если я тянулся, то хоть что-то, ну, самое элементарное, должен ведь был знать. Но не знал ничего! Абсолютно! В то время иудаизм был от меня так же далек, как теорема Пуанкаре. Во время испытаний молитвами и религиозными ужинами я чувствовал себя Остапом Бендером среди васюковцев. Постоянно было ощущение, что вот-вот и меня начнут бить. После омовения рук, когда до произнесения молитвы вообще нельзя ничего говорить, я умудрялся попросить разрешения позвонить по телефону. Сотоварищи по вере испуганно шипели на меня, как стая гусей, выпучив одновременно десятки пар бездонных, вобравших в себя всю скорбь тысячелетий недоуменных еврейских глаз.

Однажды, выходя из синагоги, я не нашел ничего лучшего, чем предложить своим еврейским попечителям взглянуть, как выглядят советские деньги. Не дожидаясь разрешения, полез за ними в карман. Вытащил на свет божий три мои мятые десятки, цвета борща со сметаной, с профилем Ленина. Они-то и свои деньги под страхом смертного греха в руки не имеют права брать в шаббат, а уж с Ильичем и подавно... Семиты отмахивались от меня, как от больного, сбежавшего из лепрозория.

На Йом-Кипур, Судный день, приволокся в кожаной обуви, что тоже является грехом смертным. Всё в тех же чехословацких чудо-туфлях. Других у меня попросту не было. От меня шарахались. Но терпели.

И вот, поздними пятничными вечерами я возвращался в своё двенадцатиметровое временное пристанище. Злой, голодный, уставший от недельной пахоты на стройке и часового молитвенного качания, я брел по вечернему Бруклину. Необходимость подстраиваться под какие-то, совершенно мне неизвестные каноны и правила поведения, угнетала неимоверно.

Навстречу, к своим праздничным столам с медом и халой торопились иудеи из других синагог. Счастливые и радостные, они кивали мне, собрату по вере, поздравляя с наступившей субботой:

– Гуд Шабэс-с-с-с, – несло со всех сторон гусиным шипением.

С отвращением ко всему окружающему миру, я натягивал улыбку и шипел в ответ змеёй тот же ненавистный пароль:

– Гуд Шабес-с-с-с.

И через короткую паузу добавляя по-русски шепотом:

– Чтоб вы все обос-с-с-с-рались...

Меня хватило на пару месяцев. Религиозного прорыва не произошло. Увы...

Мне просто хотелось домой.

Фролова

Наташка Фролова – кровь от крови и плоть от плоти дитя ленинградских коммуналок и дворов-колодцев. К тридцати пяти годам она обзавелась темно-бурым загранпаспортом, испестренным десятками въездных виз и в паспорте том значилась как Кросби Наталья Владимировна

Несмотря на то, что все по жизни у нее складывалось ладно, на душе было как-то муторно. Пять лет замужества за хилым большеголовым гражданином Канады Стивом Кросби дали ей некий покой, уют, элементарные бытовые удобства, но не сделали ее счастливой.

Ей повезло тогда, в восемьдесят седьмом. Стив ее выхватил у барной стойки валютного ресторана гостиницы «Прибалтийская», в самом-самом начале ее путанской карьеры. Она ему даже представилась как учитель английского языка. Ага, простым учителем, случайно зашедшим после работы на чашечку кофе в валютный ресторан интуристовской гостиницы. Канадский сорокалетний олух поверил. Это было во время его первого посещения меховой выставки в Ленинграде.

Сейчас чудаковатый Стив летел в Канаду к своим швейным цехам и норковым фермам, дав жене три дня на разграбление Большого Яблока. Отпрезентовав нью-йоркскую выставку, он решил не задерживаться в шумном и суевликом мегаполисе. Меховой делец сильно уставал от всего этого. Он оплатил жене хилтонский полулюкс с видом на Центральный парк и двинулся восвояси. Стив ждал любимую жену к выходным. На мамин черничный пирог. Красота!

– I love you, honey. See you soon. Say cheeeeeeeese, – прощаясь, проблеял противным фальцетом канадец и дебильно ощерился всеми своими искусственными зубами.

Наташа, с плохо скрываемым раздражением, послала ему воздушный поцелуй в зеленый коридор выхода на регистрацию. Вымученно улыбнулась. Все, иди уже, ради всего святого, мистер-твистер, подумала неприязненно Фролова.

Как все надоело, боже, как все надоело, размышляла Наташа, целеустремленно чеканя шаг, прочь к выходу из аэровокзала.

Ну да, дом в спальном районе Торонто, и не дом вовсе, а так, пятикомнатный домишко из каких-то там фанерных плит, облицованный панелями под псевдокирпич. Искусственный газон на двух сотках. Декоративный электромангал на заднем дворе. Фарфоровые лица соседей и мужниных сослуживцев, с навечно припечатанными улыбками-оскалами.

Все эти получеловеки приходили на барбекю-пати по пятницам, разговаривали о последних биржевых новостях, ели безвкусные колбаски-гриль, подвергшиеся первичной заморозке лет пять назад в далекой Аргентине. Запивали все это светлым пивом «Bud». После двух бутылок безумно веселились, играли в дартс или фанты. У русской жены от зевоты выворачивало челюсть.

По воскресеньям муженек тащил ее в протестантскую церковь на чуждые ей аллилуйные песнопения. Пресный секс под одеялом два раза в неделю, загонял живую и некогда темпераментную русскую бабу в самые дальние тупики фригидного забвения. Одинаковые дни пролетали, как колбаски в желудки этих восковых канадских тел с признаками человеческой жизнедеятельности. Какая искусственная и декоративная жизнь. Только вот шуба в пол была далеко не из искусственного соболя, а в витоновской сумочке покоилась вовсе не декоративная, а очень даже настоящая платиновая карта «Visa» Ситибанка с пятизначным лимитом в американских долларах. Это и примиряло ее с окружающим глянцевым псевдомиром.

И еще. Она помнила их с мамой восемнадцатиметровую коммунальную комнатку на Рубинштейна, помнила одну уборную на шесть квартир, помнила соседа – отставного май-

ора Пинчука, который все норовил ущипнуть Наташку за гладкую подростковую задницу в беспросветной тьме общего коммунального коридора и ссал исключительно мимо унитаза. И туда – на Рубинштейна, ей, ох как, не хотелось.

Не вырваться тебе из этого круга, не вырваться – сама себе твердила красивая русская женщина Наталья Владимировна Кросби, в девичестве Фролова.

Володя Игнатенок, по-индюшачьи вытянув кадыкастую шею, рыскал среди прилетающих пассажиров. Цветастая с вензелями, шелковая рубаха, как и положено, была расстегнута на три верхние пуговицы. Всенепременная массивная золотая цепь нехитрой вязки елозила по скудной растительности игнатёнковской плоской груди. Поверх петушиной рубахи – новомодная в конце восьмидесятых дубленка цвета кабачковой икры на некогда белом меху. Сиреневые слаксы, заправленные в серебристые дутики-луноходы, гармонию образа доводили до всеобщего совершенства. Наверное, точно такой же бомбила сейчас выискивал клиентов на другой стороне земли, где-нибудь в Пулково.

– Лакшери кар, лесс прайс, онли фоти долларс ту манхэттэн, фифти ту бруклин, – полушепотом, рязанским речитативом, хрипел Володя намертво заученный текст. Полушепотом, потому что могли побить таксисты из желтых кэбов.

Ушлый Вова демпинговал и вообще не имел никакого права тут находиться. Пронырливому русскому, все же, удалось взять белый Кадиллак в аренду и между официальными сменами в кар-сервисе, он успевал еще подшакаливать в Ла-Гвардии.

«Ебанный свет, думал Игнатенок, ну где нахуй эта ваша американская мечта. Жру чуть ли не с помойки, пиво ворую в супермаркете, сплю на продавленном гарбиджном диване, денег на проституток нет. Хватает только на двадцатидолларовый минет от беззубых черных наркоманок в подворотнях Брайтона. Эх, бля, только фарт, лаки кейс, счастливый случай может вырвать меня из этого порочного круга нищевродства. А ведь весной уже тридцатник», вспомнил Вова и направился искать свой шанс ближе к выходу аэровокзала.

Они и столкнулись прямо под светящейся табличкой «EXIT» – красивая статная блондинка в соболиной шубе и дерганый небритый русский нелегал со смутным криминальным прошлым.

– Лакшери кар, лесс прайс, онли фоти долларс ту манхэттэн, фифти ту бруклин, – монотонно долдонил свою молитву Вова.

– Русский, что, ли? – спросила женщина, лучезарно осветив Игнатёнка улыбкой.

– Угу, русский. Недорого довезу. Дешевле, чем такси. Тебе куда? – затравленно пробасил бомбила.

– Да, погоди ты. Откуда сам?

– Из Питера...

– Да ты что! И я из Питера! Где жил?!

– На Стремянной. А чо?

– Бля, а я на Рубинштейна! Соседи ведь! Тебя как звать?

– Володя...

– Меня Наташа. Ну что, Володя, лесс прайс, так лесс прайс. Где там твой лакшери кар?

Поехали. Мне в Хилтон.

- Поехали. Это, как его... сорок... то есть, пятьдесят баксов...
- Погнали, земляк. Заметано. Не бзди, расплачусь!

Уже через десять минут, в теплом кожаном чреве белоснежного «Кадиллака» Наташа прыгала от счастья, задора, радости, нахлынувшей на нее теплой волны сладостной ностальгии, которая исходила от этого чудаковатого, по родному угрюмого русского извозчика, в нелепой, но такой знакомой ей одежде.

– А помнишь, какую окрошку готовили в кафешке на Ломоносова? – лучилась от счастья девушка.

– На Энгельса лучше делали, – оттаивал душой Вова.

– А хинкали... Хинкали на Гороховой, помнишь, грузины лепили? Блииин, какие там были хинкали!!! – визжала Фролова.

Экскурс в прошлое, продолжавшийся добрые полчаса, взбудоражил попутчиков до невозможности. Наташа была на грани душевного оргазма. И хитрый Володя этим умело пользовался.

– Может, это... ко мне поедем? Посидим, повспоминаем прошлое, Ленинград, выпьем там... закусим. Я в Бруклине живу, в Боро-Парке.

– Хрен знает. А, впрочем, поехали, Володь. Нечего мне в этой сраной гостинице делать. Йес!, – торжествующе воскликнул про себя Игнатенок, а вслух деловито произнес:

– Надо на Брайтон заехать, – затариться. – Только у меня пока с деньгами не очень.

– Я угощаю, Володь. Сегодня такой заебательский день. Гони в свой Борный парк.

В «International Food» на Брайтоне купили три пакета невероятно вкусной и не менее вредной русской еды. В отдельном пакете позвякивали бутылки.

Подкатали к дому. Убогая кирпичная пятиэтажка была густо опоясана нехитрыми узорами ржавых противопожарных лестниц. Таких в старом Бруклине – тьма.

Узкие марши подъезда. Прогорклый запах пережаренного лука. Девушка созерцала пространство с нездоровым блеском в глазах. Так же пахло в их родной коммуналке.

Лишь бы успеть до конца рабочего дня, пока эти дурачки с работы не вернулись, судорожно подгонял мысли и шаг возбужденный духовно и физически Игнатенок. Лишь бы успеть.

Вова делил убогое сорокаметровое жилище с Кириллом и Славой. Своей, случайно упавшей ему на ладошку русской звездочке, он об этом не сказал. Зачем говорить? Он должен все успеть. Должен! Стрелки командирских часов показывали четыре часа пополудни.

Кирилл выскочил из вагона подземки, вприпрыжку преодолел платформу, быстро-быстро сбежал по кованной металлической лестнице вниз. Перепрыгивал по три-четыре ступеньки кряду. Он торопился домой. Даже не домой. Что там было делать в их двухкомнатной тесной лачуге? Смотреть, как противный долговязый мелкий аферист Игнатенок пьет сворованное в супермаркете пиво? Кирилл спешил к почтовому ящику. Сегодня по всем расчетам должно прийти такое долгожданное письмо от Марины.

Кирилл четко для себя решил. Нечего ему тут в Америке делать. Еще полгода каторжных работ на ненавистной стройке и все – домой. Заработаю денег, мечтал Кирилл, на маленькую

однокомнатную квартиру в родном городке и амба – свалю на хрен из этого капиталистического дурдома.

Половина суммы уже хранилась под подкладкой старого уродливого чемодана.

Марина, Маринка, Мариночка...

Они даже не были парой. И целовались-то всего один раз – под июньским звездным небом в хмельном винном дурмане студенческого турпохода. Затем каждый из них жил своей личной жизнью. Марина более насыщенной, Кирилл попреснее. Но какая-то тонкая ниточка неувимой душевной близости связывала их всегда. Они писали друг другу письма, как бы их не разбрасывала судьба-злодейка. И непременно в постскрипуме своего письма Кирилл добавлял обязательное и вечное «Я тебя люблю». Так, безответно, как в космос...

Параллельные прямые, как известно, не пересекаются. А двадцатидвухлетний парень не верил в абсолютную аксиоматичность дурацких математических постулатов. Свою параллельную прямую он намеревался изогнуть в дугу.

Почтовый ящик был пуст...

– Ссссука, – неизвестно в чей адрес просипел Кирилл и с грохотом захлопнул жестяную крышку ящика.

«*Russian, russian, russian girl, my baby, give me give only love, Russian, russian, russian girl, you take my sououououl!!!*» – лихо подвывали русские девки из дребезжащей китайской акустики.

Володя Игнатенок торопливо разливал «Московскую», спешно накладывал закуски, коих в этой квартирёнке не было с года постройки дома, то есть с тысяча девятьсот двадцатого. Сам не пил. В полвосьмого вечера начиналась его смена в кар-сервисе. Он суетливо пытался ухаживать за русской королевой бала. Стрелки часов бежали неумолимо. Королева бала в огромном звездно-полосатом махровом халате сидела на табуреточке, поджав под себя босые ноги. Халат Вова украл еще летом на пляже, пока законный правообладатель плескался в Атлантике. Хороший халат, дорогой.

После душа Наташе в нем было до мурашек уютно и тепло. Как дома.

Все же нет закуски лучше, чем свежая докторская колбаса и ломоть хрустящего дарницкого хлеба, – хмельно и плавно текли мысли в Наташиной блондинистой голове. И как, все же, хороши эти хрустящие изумрудные малосольные огурцы. И этот волшебный перламутровый холодец... С красным хреном. И водка... такая мягкая... Это злаковое послевкусие... и сразу квасом хлебным холодным запить. И опять всем носом втянуть в себя душистый запах дарницкого. Зачем этот дурачок Стив изводит водку на пижонистые коктейли – размышляла Фролова и отрывала очередную краюху от теплой еще буханки.

Суетливый Игнатенок в такт музыке выпрыгивал вокруг Наташки и подливал. Мадам Кросби, счастливо закатив свои бездонно зеленые глаза, приплясывала попой на табуретке и хрустела попкой малосольного огурца. Ноги ее были беспардонно оголены чуть ниже линии бикини.

Вот такую веселую картину увидел Кирилл, когда зашел на порог своего съемного жилья. Вернее, порога никакого не было. Входная дверь открывалась сразу на кухню.

Блядь, не успел, не успел, не успел – стучала гулким метрономом в голове Володи всего лишь одна мысль. Как ее тут оставить – хмельную, полуголую, на самом апогее ее ностальгического куража? Как?!

Кирилл недоуменно хлопал глазами. Самым прекрасным до сей поры, что он видел в этой квартире был десятилетней давности цветной телевизор, где выпуклый экран был вмонтирован в резную деревянную тумбу. А тут такое...

Казалось, что от загульной русской женщины исходило волшебное сияние.

Наташа нисколько не удивилась появлению нового персонажа в сюжете сегодняшнего вечера. Наступил тот благодушный момент веселья, когда глаз и душа радовались даже пролетающей мимо мухе. А тут – симпатичный молодой человек с длинными ресницами вокруг голубых, с поволокой, глаз.

Игнатенок метнулся к Кириллу, оттянул его за рукав в комнату и скороговоркой, брызгая слюной, начал тараторить:

– Послушай, Кир, эта баба – моя. Моя, понял? В аэропорту снял. Я сейчас на смену. Вернусь к утру. Не вздумай к ней приставать. Славе, этому полупидору, тоже скажи, чтоб пальцем ее не тронул. Пусть она спит на моей кровати. Моя баба. Моя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.